

В конце июля надо жить иначе

Спокойнее... Возможно, чуть богаче... Или беднее? Я не знаю точно. Во всяком случае, хотелось бы... Но в сточной Москве в жару, в зените, то есть, лета, покоя, видимо, душе вспотевшей нету, кроме того, который... да с любовью... С какой еще любовью? Да с любовью, лишь бы была, и не искать в ней смысла. Не то представь: вдруг официально выслан ты из любви. И компетентный орган лишил гражданства. Паспорт твой разорван, и ты свободен...

В нашей стране здорово потеплело за последние годы. И даже не просто потеплело, а климат сменился. Такое впечатление, что последние революции наконец сделали то, что не удалось ни неистовому Петру Алексеичу, ни его наследникам: не то чтобы мы приблизились к Европе, а будто к нам приблизился благословенный Гольфстрим. Вместе с мягкими зимами и влажной летней жарой. Неужто уходит наша родимая резкая континентальность, чтобы остаться только в политической публицистике? Хорошо бы...

Я по привычке внимательно и немного испуганно оглядываюсь — и день ото дня замечаю все меньше оснований для испуга. Кажется, устоялось.

Еще год назад все к чему-нибудь примыкали. К социальным страдальцам, к бестрепетным реформаторам, к новым русским, к старым русскоязычным, к оккупационному режиму, к народному сопротивлению — и вот все кончилось. На Театральной у ремонтирующейся Думы еще стоят небольшие группы, из которых доносятся политические слова, но это уже не то. Больше всего они напоминают даже не «Хайд-парк корнер», а площадку на углу проспекта и Короленковской в одном южном городе, где я жил в древнее время. Там собирались футбольные болельщики и над ними витали футбольные имена. Безобидные пожилые люди... А на Театральной в сторонке стоит одинокий в сандалиях и тщетно призывает: «Товарищи! Подходите, кто хочет за демократию поговорить, дать отпор...» Но никто не

подходит к этому, судя по выговору и оборотам, приезжему из Харькова. Ну дали они отпор, и белорусы тоже дали, а что толку? Все равно липкая жара, идет жизнь, и надо добывать деньги.

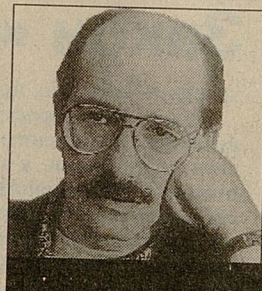
Только одну опасность вижу я в этом течении событий, вернее, в течении отсутствия событий: скучно. А когда нам становится скучно, мы можем такого наворотить!.. Тем более что привыкли уже к интересному и бежим на выстрелы, а не от них, жаждем бурного романа со временем и страной, хотим удушающих объятий. А ничего этого нет, надо идти в службу, надо купить немного «олби», но лучше немного долларов, надо переклеивать обои и неплохо бы приготовить баклажаны к ужину... Скучно.

Такого рода размышления приводят в отчаяние, пришел в него и я, побыв в нем, и вот в начале июля понемногу стал из отчаяния возвращаться. Мне показалось, что вдруг промелькнул, забрезжил новый, вернее, забытый, законсервированный, как стратегический запас, способ придать жизни смысл.

Просто я почувствовал, что могу и хочу быть не целью, а средством.

Сейчас попробую пояснить.

Требуя свободы или права, обращаясь к успеху или равенству, сочиняя партийную программу или меняя ценники на шоколадках, мы давно, если не всегда, чувствовали себя же единственной целью своей деятельности. Чтобы мы были богаты и здоровы, дай нам Бог того и другого. У знающих умные слова это называется самореализацией, у прочих — попроще: «Он многого добился». Но что-то начало чувствоваться в этом не то... Как только отменили песню «Пред Родиной вечно в долгу», возникла пустота. В нее строевым шагом пошел патриот-антимасон. Он предложил соблазнительную цель, для которой отдельно взятый гражданин может стать воодушевленным средством: общую ненависть к врагам. Казалось, это должно



Александр КАБАКОВ,

писатель

сработать, много раз срабатывало. Но не вышло. То ли не хватило народным печальникам какой-нибудь консолидирующей войны, то ли народ уже не тот... Видно, все дошли: лечить тоску ненавистью все равно, что головную боль молотком. Скучно служить самому себе; но служить злобе еще скучнее.

Любящие же знают смысл. Родители, например. Когда все твое не важно; когда не ты центр мира; когда не на себя вкалываешь; когда вместо постылой свободы, которая, в сущности, бессмысленна, ты живешь в прелести добровольного рабства; когда целеустремленно становишься средством для счастья другого человека. Любящие знают смысл. Не обязательно ребенок, но обязательно другой человек, а не ты сам, вот в чем суть.

Потому-то все реже испытываю я испуг, оглядываясь. Все больше людей находят сейчас это великое средство от тоски, от страшной нашей тоски, ведущей известно куда: либо под забор, либо на баррикаду. Все больше в нас любви, вполне частной, не объединенной даже лозунгом «Да здравствует любовь!». Все больше в нас самих смысла, а значит, и в жизни.

Пора, пора, лето перевалило за половину. Хорошее время, чтобы полюбить кого-нибудь больше, чем себя. А любить, как самого себя, как известно, надо всех и всегда.

Моск. новости - 1994. -
17-24 июля. - с. 5.

Кабаков Александр

17.7.94

221